

С. И. Берестнев

О ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ НАСЕЛЕНИЯ СРУБНОЙ ОБЩНОСТИ ВОСТОЧНО- УКРАИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Восточноукраинская лесостепь — лесостепное Днестро-Донецкое междуречье — один из важных и территориально обширных районов распространения населения срубной культурно-исторической общности. Первые сведения о подкурганых захоронениях «со скорченными и крашенными костяками» в Лесостепи появились в 30-е годы XIX в., но вплоть до конца столетия археологические исследования здесь имели спорадический и случайный характер [1, с. 34-36; 2, с. 68-87; 3, с. 164-165, 142-143]. Накануне XII Археологического съезда в Харькове,

вызвавшего повышенный интерес к местным древностям, работы в Лесостепи проводила большая группа исследователей [4, с. 103-106; 5, с. 673-703; 6, с. 78-86; 7, с. 1-92; 8]. Наиболее масштабными, как по объему, так и по научному значению, явились исследования В. А. Городцова в южных районах Лесостепи. Их результатом явилась разработка стройной системы классификации погребений «первобытной эпохи» и выделен ряд последовательно сменявшихся в бассейне Северского Донца культур эпох энеолита — бронзы, в том числе и срубная, получившая свое название по специфическому способу оформления могильных ям бревенчатыми срубами [9, с. 174-225]. В последующие годы размах археологических исследований в лесостепи значительно сокращается. Следует упомянуть раскопки курганов у хут. Покровского в Валковском уезде В. Е. Данилевичем, работы С. А. Мазараки в Посулье, раскопки А. С. Федоровского у г. Волчанска на Северском Донце [10, с. 1-18; 11, с. 209-211; 12, с. 15-18]. Новый подъем исследований погребальных памятников эпохи поздней бронзы происходит в 70-80-е гг. Во многом он связан с деятельностью новостроечных экспедиций в зонах строительства мелиоративных и оросительных систем [см.: 13-27 и др.]. В итоге этих работ был выявлен довольно мощный пласт срубных древностей на всей территории восточноукраинской лесостепи: в бассейнах Северского Донца и левых притоков Днестра, рек Ворсклы, Псла, Сулы. Но объектом специального исследования лесостепные срубные могильники практически не стали. Они либо рассматривались узко, в рамках одной курганной группы или даже одного кургана, либо фигурировали в обобщающих работах, посвященных характеристике памятников более крупных территориальных регионов [28; 29, с. 55-63; 30, с. 23-28; 31, с. 33-41]. Современное состояние источниковой базы позволяет дать общую характеристику погребального обряда населения срубной общности Восточноукраинской Лесостепи.

В настоящее время мы располагаем данными более чем о 500 погребениях, культурно атрибутируемых как «срубные». Из этого массива достаточные для анализа сведения о погребальном обряде — устройстве погребального сооружения, позиции и ориентировке костяка, характере и расположении сопровождающего инвентаря и т. п. — имеются для 413 захоронений. Представлены могильники двух видов: курганные и грунтовые.

Наиболее многочисленную группу составляют подкурганые погребения (353),

происходящие из 136 курганов (рис. 1). Топография курганных некрополей в лесостепи отличается известной стабильностью. В подавляющем большинстве случаев курганы расположены на надпойменных террасах или водораздельных плато. Пойменные могильники составляют исключение и примыкают к Орельско-Самарскому региону, где выделяются в особую группу [32, с. 47-48]. Вопрос о планировке курганных групп не может быть решен однозначно. Неоднократно отмечалось, что курганы располагаются в линию, преимущественно в широтном направлении, причем в центре находились более крупные насыпи, от них в стороны расходились курганы меньших размеров [5, с. 703; 9, с. 177; 10, с.1-3]. Такая планировка зафиксирована и для ряда могильников, исследованных в последние годы (Копанки-І, Петровское-І, Петрополье). В то же время следует отметить и иной принцип расположения курганов — «кустовой», при котором

Условные обозначения:

- — курганные могильники;
- — грунтовые могильники;
- — южная граница Лесостепи.

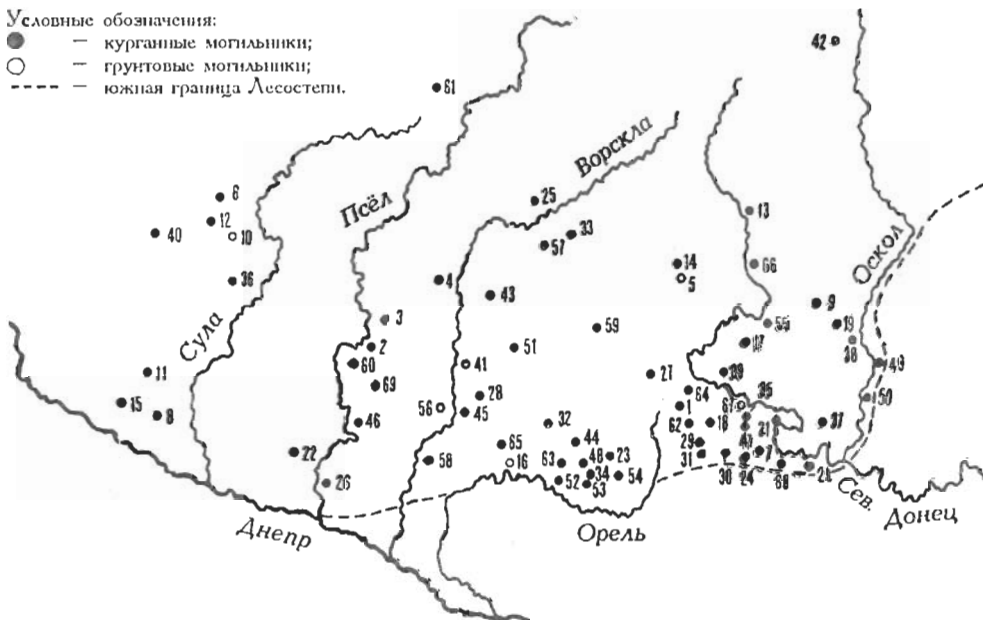

Рис. 1. Погребальные памятники срубной общности в восточноукраинской лесостепи:

1 — Байрак (раскопки А. С. Федоровского);	20 — Закотный;	39 — Лиман;	59 — Покровский;
2 — Байрак (раскопки Л. Н. Луговой);	21 — Залиман I и II;	40 — Липовица;	60 — Прилипка;
3 — Барановка;	22 — Кагамлык;	41 — Лихачевка;	61 — Речки;
4 — Безымянная могила;	23 — Калиновка;	42 — Лукьяновка;	62 — Рождественское;
5 — Большая Даниловка;	24 — Каметка;	43 — Любовка;	63 — Старомажарово I и II;
6 — Брагинцы;	25 — Кирилковка;	44 — Мажарка;	64 — Сухая Гомольша;
7 — хут. Бражковский;	26 — Кирилелки;	45 — Михайлики;	65 — Федоровка;
8 — Веремеевка;	27 — Кисели;	46 — Мушты;	66 — Хотомля;
9 — Вишневка;	28 — Климовка;	47 — Николаевка;	67 — Червоный Шлях;
10 — Волчок;	29 — Княжево;	48 — Новомажарово;	68 — Шпаковка;
11 — Воскресенское;	30 — Ковалевка;	49 — Новоосиновое;	69 — Яроховка.
12 — Волошиновка;	31 — Копанки;	50 — Ново-Платоновка;	
13 — Волчанек;	32 — Копанки I и II;	51 — Новый Мерчик;	
14 — Волчья Гора;	33 — Корбины Иваны;	52 — Перещепино;	
15 — Гладковщина;	34 — Котовский;	53 — Петровское;	
16 — Госпитальный холм;	35 — Красная Гусаровка, группы «А», «Б», «В», «Г»;	54 — Петрополье;	
17 — Граково;	36 — Кулешовка;	55 — Печенег;	
18 — Грушеваха;	37 — Куны;	56 — Пожарная Балка;	
19 — Егоровка;	38 — Купянек;	57 — Полковная Никитовка;	
		58 — Пологи;	

курганные насыпи образуют более или менее компактную группу без определенной системы (Красная Гусаровка, группа «А», Старомажарово-1 и др.). При этом в большинстве случаев курганы, возведенные над срубными погребениями, вписывались в состав некрополей, возникших в предшествующее время. Чисто срубные могильники встречаются сравнительно редко и насчитывают 2-6 насыпей (Камниовка-1, Копанки-11 и др.).

В современном состоянии насыпи срубных курганов не отличаются большими размерами. Их высота чаще всего колеблется в пределах 0,5-1,5 м при диаметре 20-30 м. Насыпи высотой 2,5-3,5 м встречаются относительно редко и, как правило, характеризуются наличием единичных неординарных захоронений (Копанки-1, курган № 1; Мажарка, курган № 1; Червоная Балка, курган № 2).

В ряде случаев имеются свидетельства огненного ритуала: очищение места перед возведением кургана. Остатки большого костра на древнем горизонте зафиксированы в одном из курганов у хут. Закотного [9, с. 246]. Три костра были разведены на подкурганной площадке кургана № 3 у с. Байрак [25, с. 9]. Иногда кострище характеризует одну из стадий возведения насыпи (хут. Закотный, курган № 2). В тех случаях, когда захоронение производилось в насыпи уже существовавшего кургана, костер разводился на предварительно спланированной площадке, с уровня которой совершалось захоронение (Петрополье, курган № 3; Федоровка, курган № 1). Эти свидетельства культа огня, равно как и следы обожженности срубов и перекрытый могильных ям, многими исследователями рассматриваются в плане общеевропейских религиозных воззрений [33, с. 64-65; 34, с. 128-130]. В лесостепи следы огненного ритуала встречены в 8 случаях, чего явно недостаточно, чтобы считать их отличительной чертой местного погребального обряда [30, с. 26-27]. Кстати, этот показатель гораздо выше в северостепном Орельско-Самарском регионе [32, с. 60-61].

В четырех случаях встречен обычай обкладки кургана на какой-то стадии его возведения деревом — плахами или бревнами, образовавшими внутренний «панцирь» (Волчанск, курган № 2; Полковая Никитовка, курган № 3; Граково, курганы № 1 и 2). Во всех случаях основными были захоронения срубной общности. В кургане № 2 у с. Мажарка, сооруженном над единственным срубным погребением, первая насыпь диаметром около 25 и высотой 1,8 м по периметру была окружена сплошным кольцевым ровиком, материковый выброс из которого образовал глиняный панцирь кургана. После этого курган был досыпан и перекрыт ровик. В южной части ровика обнаружены остатки тризны — кострище и мелкие кости животных. Интересно, что подобная облицовка склонов насыпи материковым выкидом из кольцевого ровика в лесостепи встречена только в древнеямном кургане у с. Богуславка на р. Осколе.

Кольцевые ровики, ограничивавшие подкурганное пространство, зафиксированы еще в нескольких случаях. В кургане № 2 у с. Петровское ровик имел овальную форму, соответствовавшую конфигурации насыпи, и два «прохода» — в юго-восточной и юго-западной частях. Подпрямоугольная в плане форма с четырехметровым «проходом» в южной части была придана ровику под курганом № 1 у с. Петровское; на дне ровика в его восточной и северо-восточной частях обнаружены остатки тризны — кострище, кости конечностей черепа крупных животных. В обоих случаях ровики были вырыты до возведения насыпи и перекрыты ею. Этой же цели — ограничению околомогильного пространства — отвечал кромлех, выявленный под курганом № 2 (группа «Б») у с. Красная Гусаровка на Северском Донце. Каменное кольцо диаметром около 9 м образовывали куски рваного кремнистого песчаника, уложенные в 1-3 ряда. Для наиболее крупных камней были вырыты канавки, мелкие уложены на древнем горизонте. В северной части кромлеха имелись два небольших «прохода». Погребение было произведено в центре ограниченного кромлехом пространства; к югу и западу от него находились остатки тризны — фрагменты баночных и остроресберного сосудов, древесные угли, небольшие пятна красной охры. К северо-западу от центрального захоронения, под камнями кромлеха, выявлено еще одно погребение, имевшее явно подчиненный характер. Форма и размеры могильных ям, позиция и ориентировка костяков свидетельствуют в пользу одновременности обоих захоронений.

Наличие подкурганной каменной конструкции, явная социальная иерархия погребенных, остатки обильной поминальной тризны позволяют предположить неординарный характер центрального захоронения. Следует указать, что на территории левобережной лесостепи кромлех встречен только один раз — в катакомбном кургане у с. Воронцовка на р. Осколе [5, с. 725]. В целом подкурганные ровики и кромлехи не характерны для срубных курганов Украины [32, с. 75; 29, с. 55-57]. В лесостепном Подонье они обычны для погребений неолита — ранней бронзы [35, с. 171-172].

С представлениями о переходе в потусторонний мир, вероятно, связано сооружение ритуальных площадок под насыпями курганов. В кургане № 2 у с. Мажарка ритуальная площадка занимала центральное место под насыпью. На уровне древнего горизонта обнаружен тонкий слой плотно утрамбованной материковой глины, имевший в плане подпрямоугольную форму (3 x 4 м), ориентированный продольной осью в меридиональном направлении. У южного края площадки зафиксированы остатки вертикально врытого деревянного столбика, в южной части — тонкий слой древесных углей и золы. Основное и единственное погребение было совершено к востоку от площадки. Представляет интерес, что в кургане ритуальная площадка сочеталась с другими признаками неординарности: кольцевым ровиком и облицовкой склонов насыпи материковой глиной. Также центральное место в подкурганном пространстве занимала ритуальная площадка в кургане № 3 группы Копапки-І. Слой плотно утрамбованной материковой глины имел подовальную в плане форму (8 x 9 м) и продольной осью был ориентирован в направлении север-юг. Поверхность площадки была покрыта тонким слоем чистой золы, в ее южной части находились фрагменты лепного сосуда баночной формы, лежавшие на слое древесного угля. Погребение, совершено в материковой яме со срубом, было смещено к северу от центра кургана. Бревенчатое перекрытие ямы обуглено; на перекрытии расщипан костяк лошади, без конечностей, уложенной на животе, головой на восток. Курган № 3 выделялся значительной высотой (3,65 м от уровня древнего горизонта), не свойственной срубным насыпям лесостепного региона.

В кургане № 2 группы Залиман-І ритуальная площадка подпрямоугольной в плане формы (3 x 7 м), ориентированная продольными сторонами в широтном направлении, была сооружена в центре кургана. Ее образовывал тонкий (до 5 см) слой белого мелкозернистого песка, смешанного с золой и древесными угольками. На поверхности площадки зафиксированы остатки покрытия из тонкого дерева (прутьев?). Единственное под насыпью погребение в срубе с юга примыкало к площадке. На бревенчатом перекрытии ямы отмечен слой пережженной земли с древесными угольками; в центральной части перекрытия на зольно-меловом пятне стоял остроресберный сосуд.

Ритуальная площадка подпрямоугольной в плане формы (3 x 4 м), созданная из светло-серого золистого грунта, насыщенной древесными угольками и комочками пережженной земли, ориентированная продольными сторонами в меридиональном направлении, встречена в кургане № 1 у хут. Котовского. Показательно, что погребение 2, с которым связана площадка, было впущено в западную полу кургана, возведенного над захоронением культуры многоваликовой керамики. Для этого на склоне насыпи была горизонтально спланирована площадка, на которой насыпан жертвенник и с уровня которой было совершено погребение. Затем курган был досыпан, и под новой насыпью площадка заняла центральное место. Представляет интерес то обстоятельство, что курган № 1 входил в состав «длинного» кургана, объединившего 3 насыпи, созданные в разное время над захоронениями катакомбной культуры и культуры многоваликовой керамики и объединенные песколькими досыпками, связанными со срубными впускными погребениями.

В трех случаях ритуальные площадки находились в курганах с основным и единственным срубным погребением; в последнем случае с погребением связана досыпка, значительно увеличившая размеры насыпи. Тенденция к расположению ритуальной площадки в центре кургана находит объяснение в ведийской традиции, согласно которой в организации сакрального пространства точка, расположенная ближе к центру, обладает большей

сакральной силой. По той же традиции алтарь и возжигаемый на нем огонь символически воспроизводят акт соития мужчины и женщины, где женщина соответствует алтарю, а мужчина — огню [36, с. 35-39]. Этим можно объяснить обязательное присутствие на ритуальной площадке (алтаре) продуктов горения — золы и угля. Кроме того, в индоиранской космогонии огонь поделается ритуально-магическими свойствами, очистительной силой (Ригведа, VII, 3, 3). Особый социальный статус лиц, погребенных под курганами с ритуальными площадками, подтверждается и рядом других данных. Обугленность перекрытия могильных ям или присутствие на нем продуктов горения (Копанки-1, курган № 3; Залиман-1, курган № 2), по мнению некоторых исследователей, свидетельствуют об исключительной социальной роли умершего [37, с. 163]. Только лицам высокого социального ранга подобало жертвоприношение копя (Копанки-1, курган № 3) [38, с. 42].

В особую группу выделяются «длинные» курганы, воплощавшие идею переправы покойника в мир иной и служившие святилищами открытого типа [39, с. 7-8]. У с. Граково валлообразные досыпки соединили три кургана, возведенные над древнеямным и срубными погребениями; в средней части общей длинной насыпи склоны были обложены деревом — бревнами и горбыльями. В кургане у хут. Котовского досыпками, связанными с впускными срубными захоронениями, соединены насыпи курганов, возведенных над погребениями многоваликовой и катакомбной культур. В длинном кургане у с. Михайлики досыпки объединили насыпи над многоваликовыми и срубными погребениями. Авторы публикации считают, что курган создан смешанным, многоваликово-срубным населением, продвинувшимся в лесостепь из степной зоны [40, с. 43-55]. Во всех приведенных случаях курганы были ориентированы продольной осью в широтном направлении, что свидетельствует о наличии руководящей идеи в возведении такого рода сооружений. Существует мнение, что объединение разновременных насыпей в единый комплекс связано с идеологическими представлениями, в том числе с формирующимся этническим самосознанием, побуждающим искать связь с предшествующими поколениями [41, с. 33].

Отношение к кургану как к ритуально-мистическому символу, олицетворяющему связь с потусторонним миром, иллюстрируется еще одним примером. В кургане № 1 группы Копанки-1 насыпь овальной в плане формы (высота около 1,45 м) не имела погребения: уровень древнего горизонта отчетливо прослеживался во всех контрольных бровках. Сразу же после возведения насыпи у ее восточного края было совершенно единственное погребение 1, материковый выбор из которого покрыл склон кургана. После этого была произведена досыпка, значительно увеличившая размеры кургана. Отсутствие хронологического разрыва между возведением насыпи и совершением захоронения подтверждается тем, что грунт досыпки совершенно идентичен грунту первой насыпи. Насорднанность погребения указывают как размеры могильной ямы (2,5 x 2,0 x 2,1 м) и наличие в ней сруба (1,85 x 1,25 м), так и присутствие в инвентаре культового сосуда в виде миниатюрной лепной башки.

В 53 случаях курганы были возведены над погребениями срубной общности; правилом следует считать наличие одного основного захоронения. Насыпи, возведенные над двумя одновременными погребениями, встречаются всего в нескольких случаях: в уже упоминавшемся кургане № 2 у с. Красная Гусаровка (группа «Б»), в кургане № 5 группы Старомажарово-1, где погребения взрослого человека и ребенка были произведены в центре кургана — в материковых ямах с известковой побелкой стен и дна и подсыпкой золы; в кургане № 2 у г. Волчанска в одинаковых неглубоких материковых ямах были захоронены мужчина и женщина [12, с. 17-18].

Ямы основных погребений преимущественно прямоугольной в плане формы; как исключение встречаются ямы трапециевидных очертаний (Старомажарово: 7/2*, Маждарка: 1/1). В 85% основных захоронений зафиксированы остатки перекрытия из бревен, плах или толстых досок, уложенных поперек (68%) или вдоль могильной ямы. В некоторых случаях накатник покрывался сверху слоем коры (Покровский: 1/5, Копанки: 4/2), травы

*Здесь и далее числитель обозначает номер кургана, знаменатель — номер погребения.

(Старомажарово-І: 7/2) или песка (Копанки-І: 3/3, Лимап-І: 3/3). Есть свидетельства более сложных перекрытий, состоявших из песчолых ирсов бревен или плах, разделенных слоями материковой глины (Купинск, курган № 1) [5, с. 718]. Аналогичное устройство перекрытия встречается и в степных срубных курганах [42, с. 234]. Н. Н. Чердынченко считал сложные перекрытия срубных погребений одним из доказательств культурного влияния микенской Греции [43, с. 12]. Но более вероятно зарождение этого обычая в среде лесостепных племен катакомбной общности. Так, в катакомбных захоронениях на р. Осколе неоднократно зафиксированы пакатники из чередующихся слоев дерева и глины, закрывавшие входной колодец [5, с. 713-721].

В нескольких погребениях на бревенчатых пакатниках над ямами обнаружены кости лошадей — череп и конечности, с размещением последних по углам перекрытия (Петрополье: 2/1, Старомажарово-І: 7/3, Каминовка: 2/2, 4/1, Ново-Платоновка: 1/2). Считается, что в таких случаях речь может идти о ритуальном возложении шкуры животного [29, с. 58]. В двух случаях на перекрытиях находились костяки лошадей; череп, позвоночный столб с короткими обрубками ребер, кости конечностей (Копанки-І: 3/1, Серго: 2/3). Лошади были уложены на брюхе по продольной оси могильных ям, черепами на восток. Интересно отметить, что в Орельско-Самарском регионе, где кости животных на перекрытиях могил встречаются чаще, чем в могилах, костяки лошадей, как правило, располагались поперек или по диагонали могильных ям [32, с. 63]. Иногда на перекрытиях укладывались только отдельные кости животных — лошадей, крупного или мелкого рогатого скота. В целом кости жертвенных животных на перекрытиях встречены в 5% лесостепных погребений. В 7% захоронений кости животных находились непосредственно в могилах. В двух курганах с основными срубными погребениями кости жертвенных животных были захоронены в отдельных ямах, одновременно с погребениями людей. В кургане № 7 группы Старомажарово-І оба погребения были произведены в ямах трапециевидной формы, симметрично центру кургана; яма с черепом и костями конечностей овцы не имела перекрытия. В кургане № 1 группы Махарка-І кости крупного животного — череп, кости конечностей, часть позвоночного столба с обрубками ребер — находились в яме прямоугольной формы без перекрытия. Интересно, что погребение человека было произведено в яме трапециевидных очертаний.

В 8% погребений на перекрытиях находилась керамика — глиняные сосуды баночной или острореберной формы, причем чаще всего сосуд ставился над головой погребенного.

Размеры ям основных погребений весьма переменны — от 1,5 x 1,0 до 3,5 x 2,0 м; ямы небольших размеров чаще всего рыли для захоронения детей и подростков. Усредненные размеры ям основных погребений — в пределах 1,8 x 1,3 м. Выделяется группа захоронений в ямах значительных размеров: 1,45 x 1,9 м (Граково: 1/3), 2,5 x 2,0 м (Копанки-І: 1/1), 2,4 x 1,8 м (Грушеваха: 3/9), 3,3 x 2,0 м (Купинск: 2/2), 3,2 x 2,1 м (Брагицы: 1/1). В одних случаях захоронения в больших ямах имели явно выраженные признаки неординарности покойников (облицовка склонов деревом или глиной, кольцевые ровики, обильные тизны и пр.), в других являлись парными. Глубина ям основных погребений в среднем 0,7-0,9 м. Ямы впускных погребений, в тех случаях когда их удается проследить, в целом меньше: в среднем — 1,7 x 1,1 м. Перекрытия зафиксированы в 30% впускных захоронений. По-прежнему преобладают ямы прямоугольной формы, но уже чаще встречаются квадратные и овальные.

По способу оформления могильных ям выделяются: 1) грунтовые (материковые); 2) ямы с вставленными деревянными конструкциями (срубными, ящичками и пр.). В основных погребениях срубы обнаружены в 49% могил. Этот показатель гораздо ниже для впускных захоронений (10%). В масштабах всей выборки погребения в срубных составляют 13%. Для сравнения укажем, что в лесостепном Подонье срубы встречены в 12% погребений, в Орельско-Самарском регионе — в 20, в Донбассе — в 11, в степном Поднепровье — в 2% погребений [44, с. 124; 32, с. 58; 45, с. 32; 46, с. 12].

Срубы устанавливались на дне могильных ям и сооружались из бревен или плах в 1-2 венца. В единичных случаях срубы были изготовлены в 4-5 венцов (Купинск: 2/2;

Полковая Никитовка: 4/5). Как исключение встречаются срубы, установленные на древнем горизонте по краям могильной ямы (Красная Гусаровка, группа «Б», курган № 2, погребение 1).

Редкой разновидностью внутримогильных деревянных конструкций являются ящики (облицовка стен могильной ямы досками). В кургане № 2 у с. Граково продольные доски были установлены в неглубокие канавки, вырытые вдоль стен, а поперечные служили распорками, придававшими конструкции необходимую жесткость. Ящик имел продольное перекрытие из таких же досок. Ящичные гробницы встречены еще в нескольких случаях [5, с. 711; 11, с. 211]. В двух погребениях (Новоосипово: 1/1, Копани: 2/3) по периметру могильных ям были установлены вертикальные столбики, на них, у продольных стен, уложены горизонтальные балки, служившие опорой для поперечного перекрытия. Пока только в детских погребениях известны «полусрубы» — уложенные у коротких стен ямы обрубки бревен, на которые опирались плахи перекрытия (Егоровка-2: 2/3, 3/4, 3/12). И в срубах, и в групповых ямах изредка встречается покрытие пола тонкими досками (Красная Гусаровка-«А»: 1/2, 1/3, 2/2).

Около 95% подкурганных погребений было совершено по обряду ингумации. Абсолютное большинство погребенных было уложено скорченно на левом боку (88%). Анализ костяков, лежавших скорченно на правом боку, показал, что этот признак не коррелируется ни по полу, ни по возрасту: на правом боку погребались и мужчины, и женщины, и дети. В некоторых парных погребениях костяки лежали лицом друг к другу, соответственно на левом и правом боку. Правобочные погребения в небольшом количестве присутствуют в каждом втором могильнике.

Позиции костяков довольно разнообразны в пределах общего положения (скорченно на боку) и варьируют в зависимости от степени скорченности и положения рук. Могут быть выделены три основные позиции.

1. Степень скорченности сильная. Руки согнуты в локтевых суставах и кистями уложены перед грудью или лицевым отделом черепа, ноги согнуты в тазобедренных и коленных сочленениях под острым или близким к прямому углом. В таком положении находились около 90% погребенных с установленным расположением костей.

2. Степень скорченности средняя или слабая. Ноги согнуты в тазобедренных суставах под прямым или тупым углом, угол в коленях от острого до тупого, руки протянуты вниз, к коленям подогнутых ног. Возможны некоторые отклонения в этой позиции: например, при согнутости ног в тазобедренных и коленных сочленениях под острым углом руки протянуты вниз и зажаты между бедренными костями. В такой позиции находились около 4% погребенных.

3. Степень скорченности средняя или слабая. Ноги согнуты в тазобедренных и коленных сочленениях под углом от прямого до тупого; одна рука, как правило нижняя, протянута вниз, другая согнута в локтевом суставе и предплечьем направлена поперек туловища. Возможны варианты, при которых одна рука согнута в локте и кистью направлена к лицевому отделу черепа, вторая уложена поперек туловища либо направлена к коленным подогнутых ног. В такой позиции находилось около 5% костяков.

В 50 основных срубных погребениях с установленным положением костяков в позиции 1 находилось 82% погребенных (41 случай); в позиции 2 — 4 костяка (8%); в позиции 3 — 5 костяков (10%). Интересно, что в срубах, вне зависимости от стратиграфического положения погребения, эти показатели выглядят следующим образом: 93, 3,5, 3,5% соответственно.

В ориентировке погребенных в целом преобладает восточное направление (103 случая — 40%). Довольно часто покойники были ориентированы головой на северо-восток (66 случаев — 25%) и север (55 случаев — 21%). Ориентировки в других секторах немногочисленны. В основных погребениях на восток было ориентировано 52% покойников, на северо-восток — 22%, на север — 20%.

Корреляция позиции погребенных с ориентировкой показывает, что костяки в позиции 1 были в большинстве случаев ориентированы головой в 1-й четверти круга горизонта

(В — 44%, СВ — 22%, С — 21%). Для погребенных в позиции 2 характерна неустойчивость ориентировки при некотором преобладании северной (37%) и северо-восточной (25%) и равно представленности восточной, северо-западной и южной. В позиции 3 половина погребенных лежала головой на СВ, при наличии восточной (25%) и северной (25%).

Органическая подстилка на полу могильных ям зафиксирована в 34 погребениях, причем она присутствовала в каждом пятом основном захоронении. Продукты горения — зола или уголь — обнаружены в 20 погребениях, по сравнению редко эти два компонента встречаются вместе. По этнографическим данным, зола и уголь от сожженных сакральных костров выступают в качестве «черных символов», связанных с похоронными обрядами и смертью [47, с. 74-75]. В ритуально-мистическом контексте как символ белизны должны рассматриваться известковая побелка стен и дна могильных ям, подсыпка порошка извести или мела (17 случаев). У многих первобытных народов белое символизирует счастье и встречу с духами предков [47, с. 95-96].

В 18 погребениях присутствовала охра; чаще всего она локализуется в области таза, бедер и стоп ног. В единичных случаях был окрашен весь костяк.

Сопровождающий инвентарь обнаружен в 264 захоронениях (75%); в основных погребениях он встречен в 49 случаях. Практически во всех инвентарных захоронениях находилась керамика — в основном сосуды баночной или острореберной формы. Число сосудов в погребении редко превышает два. Обычное их расположение — у головы или перед грудью погребенного, в редких случаях — в ногах. Достаточно наглядно прослеживается традиция установки сосуда на перекрытии могилы. В 17 погребениях (из них в 8 основных) найдены изделия из бронзы: пожи, подвески, бусы, серьги. Изделия из камня, кремня и кости единичны.

В особый тип выделяются подкурганые захоронения, совершенные по обряду кремации. По ритуальным признакам эта группа не гомогенна. Объединяющей чертой может считаться то, что сожжение тела умершего производилось на стороне и в могилу помещался только прах. В четырех случаях остатки трупосожжений находились в срубках, причем прах ссыпался кучкой и сопровождался сопутствующим инвентарем. Так, погребение 3 длинного кургана у хут. Котовского было совершено в глубокой материковой яме (2,24 x 1,83 x 2,09 м), ориентированной по оси запад-восток с установленным на дне одновенечным срубом, имевшим продольное перекрытие из плах. В северо-восточном углу срубка находились остатки кремации: кучка золы, древесных углей и пережженных костей человека. Напротив, у южной стенки срубка, расчищены ребра крупного животного (лошади). В юго-восточном углу срубка стоял приземистых пропорций острореберный сосуд, там же найден бронзовый пож с плоским ромбическим перекрытием. Важно отметить, что в срубке кургана № 1 у с. Николаевки остатки двух креммированных покойников находились под днищами сосудов и сопровождалась бронзовыми пожами и костями животных. В кургане № 4 того же могильника, в насыпи, вероятно в непрослеженных грунтовых ямах, обнаружены два сосуда, под днищами которых находились остатки произведенных на стороне кремаций [9, с. 226-227, 230]. Остатки креммированных покойников под днищами сосудов в грунтовых ямах обнаружены в кургане у с. Сухай Гомольша (погребения 3, 4, 7) [48, с. 92].

Представляет интерес биритуальное погребение в кургане № 2 у хут. Покровского, произведенное в материковой яме с установленным на дне одновенечным срубом, имевшим поперечное перекрытие из толстых досок. Костяк погребенного находился у верхней стенки срубка; он лежал скорченно на левом боку, головой на восток. Напротив него, у южной стенки срубка, обнаружена кучка совершенно пережженных человеческих костей. Захоронение сопровождалось четырьмя сосудами, поставленными так, что один находился у головы погребенного и два — с обеих сторон кучки костей [10, с. 22-23].

Второй тип подкурганых кремаций — трупосожжение на стороне с помещением праха в глиняный сосуд-урну. Неорнаментированный баночный сосуд, заполненный золой и пережженными человеческими костями, обнаружен в насыпи длинного кургана у хут.

Котовского (погребение 4). Урна с остатками кремированного покойника найдена в насыпи кургана № 5 у с. Николаевки [9, с. 229]. Несколько урновых захоронений исследовано в кургане у с. Сухая Гомольца [48, с. 92-93].

Погребения по обряду кремации известны и в грунтовых могильниках. В Компанийцевском могильнике на левом берегу Днепра захоронение 18 было совершено в урне подостророберной формы, накрытой сверху дном большого лепного сосуда. Остатки кремации в погребении 19 находились в яме округлой формы, под дном сосуда [49, с. 76-77]. Большая серия погребений по обряду кремации выявлена в могильнике у с. Червоный Шлях на Северском Донце. Из 38 захоронений только одно (№ 34) было совершено в урне, остальные — в грунтовых ямах округлой, овальной или прямоугольной формы и сопровождалась предварительно разбитыми сосудами баночной, остророберной и горшковидной формы [50, с. 91-92]. Показательно, что аналогичное погребение (№ 19) исследовано в кургане у с. Сухая Гомольца [48, с. 92-93].

В настоящее время в пределах восточнoукраинской лесостепи известно несколько грунтовых могильников, расположенных в сходных топографических условиях — на краях коренных берегов рек или первых надпойменных террас. Два захоронения обнаружено на территории многослойного селища у с. Большая Даниловка на р. Харьков; одно из них было разрушено береговым оползнем, второе совершено в мелкой грунтовой яме без следов перекрытия. Погребенный лежал в сильно скорченном положении на левом боку, головой на запад. Захоронение сопровождалось костями коровы и большим баночным сосудом [51]. Есть сведения о грунтовых срубных захоронениях у с. Вовчик в Посулье [52, с. 310-311], на территории скифских селищ у с. Пожарная Балка [53, с. 256] и у с. Лихачевка на р. Ворскле [54]. Пять раннесрубных захоронений с групповым расположением выявлены в составе неолитического могильника «Госпитальный холм» на р. Орели [55, с. 27]. В уже упоминавшемся грунтовом могильнике у с. Червоный Шлях исследованы 3 погребения по обряду ингумации; все они оказались биритуальными — остатками кремаций были посыпаны тела погребенных [50, с. 91-92].

Степень изученности лесостепных грунтовых могильников не позволяет обоснованно судить об их планировке, можно только предполагать расположение погребений рядами, по аналогии с хорошо исследованными памятниками [56, с. 67]. Захоронения, как правило, совершались в небольших по размерам, рассчитанных на скорченное труположение, мелких грунтовых ямах без перекрытий. Покойники укладывались скорченно на левом или правом боку, в позе адорации. Ориентировка не стабильна, отмечены восточная, северо-восточная, западная, южная. Большая часть погребений сопровождалась керамикой — сосудами баночной, реже остророберной или горшковидной форм. В единичных случаях встречены изделия из бронзы, камня и кости. По обрядовым признакам погребения грунтовых могильников не отличаются от подкурганных. Следует отметить значительный процент правобочных захоронений.

В целом охарактеризованный массив погребальных памятников срубной общности в лесостепи выглядит неоднородно. Курганные и грунтовые могильники с захоронениями по обряду ингумации и кремации интегрируются наличием инвентаря (в основном — керамики срубного типа) при известной вариативности типов погребальных сооружений и позиций погребенных. С момента выделения культуры появившееся срубное население в пределах восточнoукраинской лесостепи рассматривалось как факт миграции [9, с. 203; 57, с. 94]. В последнее время намечался иной подход к проблеме образования срубной культурно-исторической общности, согласно которому феномен создания такого гигантского образования нельзя сводить к простому расселению племен с первоначальной «прародины». Происходил сложный и многоплановый процесс культурной интеграции населения степной и лесостепной зон Днo-Волго-Уральского региона, в конечном счете выразившийся в образовании срубной общности [58, с. 6-8]. Идея автохтонности украинской срубной культуры обоснована в работах Н. Н. Чердынченко, постулирувавшего тезис о синхронности всех раннесрубных локальных вариантов, и следовательно, об отсутствии единого центра образования культуры. По его мнению, на востоке Украины генетической

подосновой срубных памятников явились памятники культуры многоваликовой керамики, сыгравшие здесь ту же роль, что полтавкинские в Поволжье [29, с. 45-50]. Имеющиеся в настоящее время данные не позволяют однозначно согласиться с такой постановкой вопроса. В лесостепи многоваликовые памятники очень немногочисленны (около 50 погребений на сотни катакомбных и срубных) и территориально тяготеют к пограничным со степью районам. В целом стратиграфически они следуют за древнейшими и катакомбными и предшествуют срубным погребениям. Но в нескольких случаях отмечена ситуация, когда многоваликовые захоронения оказались впущенными в курганы с основными рашесрубными погребениями (Красная Гусаровка, гр. «А», курган № 1; Петрополье-1, курган № 2; Копани-II, курган № 1). Аналогичное явление отмечено в некоторых стратифицированных курганах северостепной зоны [32, с. 16-22]. Более или менее продолжительный период сосуществования обоих массивов населения привел к постепенному «растворению» аборигенов в срубной среде и утрате прежних погребальных традиций. Именно с остатками населения культуры многоваликовой керамики связывается немногочисленная группа захоронений в срубах и грунтовых ямах с инвентарем срубного типа, характеризующаяся средне- или слабоскорченными на боку костяками с перекрестным расположением рук (позиция 3), ориентированными преимущественно в северо-восточном направлении. При этом наиболее быстрым изменениям подверглась внешняя, материальная сторона культуры, что отразилось на распространении керамики новых типов и других категорий инвентаря при сохранении основных традиций погребальной обрядности. Репликами позднекатакомбных традиций можно считать погребения с покойниками, уложенными в позиции «всадника» — скорченно на боку с руками, протянутыми к коленям подогнутых ног (позиция 2). Катакомбный импульс прослеживается и в материалах поселений — в распространении орнамента керамики оттисками веревочки, в горизонтальных елочных композициях, в появлении банок с выделенным цилиндрическим горлом, не свойственных традиционному срубному гончарству.

Грунтовые срубные могильники сейчас хорошо известны практически по всей территории распространения культуры: в степной зоне Украины [59, с. 24-26], в Подолии [60, с. 159] и Поволжье [61, с. 16-19], поэтому связывать их происхождение с восточноукраинской лесостепью нет оснований. Иначе обстоит дело с погребениями, совершенными по обряду кремации. Проблема подкурганых трупосожжений у срубников имеет большую литературу. Некоторые исследователи полагают, что обряд кремации проникает в срубную среду из области распространения памятников федоровской культуры [57, с. 19; 62, с. 218-219; 63, с. 185-186]. Другие считают, что у срубников он развивается независимо от сторонних влияний и уходит корнями в предшествующую полтавкинскую эпоху [64, с. 46; 65, с. 46-47; 66, с. 19]. На этом фоне спорадические лесостепные подкурганые кремации в срубах или грунтовых ямах не выглядят чужеродным явлением.

Представляется, что иную погребальную традицию представляют трупосожжения на стороне с помещением праха в глиняный сосуд-урну или в небольшую грунтовую ямку в сопровождении фрагментов предварительно разбитого сосуда. Аналоги таким захоронениям в других районах распространения племен срубной общности пока не известны. В пределах восточноукраинской лесостепи подкурганые и грунтовые погребения по обряду кремации встречаются на позднем этапе развития среднеднепровской культуры и в последующий период у населения восточно-донецкой культуры, причем истоки этого обряда некоторые исследователи видят в поздне трипольской среде, в памятниках киево-софиевской группы [67, с. 115; 68, с. 73-74].

Таким образом, продвижение срубных племен в восточноукраинскую лесостепь в середине II тыс. до н. э. не означало полного вытеснения аборигенного населения, весьма неоднородного в этническом и культурном отношении. В сложившейся конкретно-исторической обстановке племена срубной общности выступают в качестве лидирующей системы, обладающей высокой коммуникабельностью и находящейся в стадии активного развития. Попавшие в сферу их влияния аборигены сравнительно быстро воспринимают

внешнюю сторону культуры, связанную в основном со сферой материального производства, но на определенный период сохраняют собственные идеологические установки, проявляющиеся, в частности, в консерватизме погребальных традиций. Выявление конкретных механизмов культургенеза представляет задачу особого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пассек В.В.* Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов // *Русский исторический журнал*. — М., 1839. — Т. III, кн. 2.
2. *Линниченко И. А.* О новейших раскопках г. Хвойка // *ЗООИД*. — Одесса, 1901. — Т. XXIII.
3. *Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга* / Подготовил к печати Ник. Печенкин. — СПб., 1908.
4. *Готье Ю. В.* Доклад о раскопках 1901 г. в окрестностях с. Каменки Харьковской губернии Изюмского уезда // *Древности*. — 1902. — Т. XIX, вып. 3.
5. *Мельник Е.* Раскопки курганов в Харьковской губернии 1900-1901 гг. // *Тр. XII АС*. — М., 1905. — Т. 1.
6. *Покровский А. М.* Доклад о раскопках курганов на заседании Предварительного комитета // *Тр. Харьк. Предварит. комитета по устройству XII Археолог. съезда*. — Харьков, 1902. — Т. 1.
7. *Багалей И.Д.* Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии // *Тр. XII АС*. — М., 1905 — Т. 1.
8. Каталог выставки XII Археологического съезда: Отдел древностей, добытых из раскопок и случайных находок. — Харьков, 1902.
9. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г. // *Тр. XII АС*. — М., 1905; — Т. 1; Его же. Материалы исследований на берегах р. Доница Изюмского уезда Харьковской губернии // Там же.
10. *Данилевич В. Е.* Раскопка курганов около хут. Покровского Валковского уезда Харьковской губернии // *Тр. Моск. Предварит. комитета по устройству XIV АС*. — М., 1908 — Т. I.
11. *Мазараки С. А.* Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1907 г. // *Тр. XIV АС*. — М., 1911. — Т. III.
12. *Федоровский А.С.* Археологические раскопки в окрестностях Волчанска // *Волчанский земский листок*. — 1916. — № 47-48.
13. *Артеменко И.И.* Могильник эпохи бронзы в пос. Белые Берега Брянской области // *Памятники древнейшей истории Евразии*. — М., 1975.
14. *Бородулин В. Г.* Отчет об археологических исследованиях харьковского отряда экспедиции «Диспр-Донбасс». — Харьков, 1974 (Архив ХИМ).
15. *Моруженко А. А.* Погребения эпохи поздней бронзы в бассейне Ворсклы // *СА*. — 1986. — № 2.
16. *Берестнев С. И.* Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Балаклейской оросительной системы в 1983 г. — Харьков, 1984 (Архив АМ ХГУ, № 109/84).
17. *Берестнев С. И.* Отчет о раскопках курганов в зоне строительства Первомаевской ОС в 1985-1986 гг. — Харьков, 1987 (Архив АМ ХГУ, № 114/87).
18. *Берестнев С. И.* Отчет о работах новостроечной экспедиции ХГУ в 1988 г. — Харьков, 1989 (Архив АМ ХГУ, № 117/89).

19. Берестнев С. И. Отчет о работах новостроечной археологической экспедиции ХГУ в зонах строительства меллоративных систем в Готвальдовском и Боровском районах Харьковской области в 1990 г. — Харьков, 1991 (Архив АМ ХГУ, № 124/91).
20. Берестнев С.И. Отчет о работах новостроечной археологической экспедиции ХГУ в Купинском и Волчанском районах Харьковской области в 1991 г. — Харьков, 1992 (Архив АМ ХГУ, № 130/92).
21. Кулатова И. М., Супруненко А. Б. Охранные исследования курганов в Нижнем Поворосклье // Охрана и исследования памятников археологии Полтавщины. — Полтава, 1989.
22. Цымбал В. И. Охранные раскопки в Харьковской области // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини. — Полтава, 1990.
23. Антоненко Б. А. Курганний могильник у с. Морокіно // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини. — Полтава, 1990.
24. Луговая Л.Н. Погребения с костяными пряжками в Среднеднепровском Левобережье // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини. — Полтава, 1990.
25. Лугова Л. М. Ранньозрубні поховання басейну Пела // Пам'ятки археології Полтавщини. — Полтава, 1991.
26. Лугова Л. М. Поховання доби пізньої бронзи поблизу с. Кагамлик І лобинського району // Археологічний збірник Полтавського краєзнавчого музею. — Полтава, 1992. — Вып. 1.
27. Луговая Л.Н., Шилов Ю.А. Михайликовский курган раннесрубного времени // Археологічні дослідження на Полтавщині. — Полтава, 1990.
28. Чердиченко Н. Н. История срубных племен Подолия (XV - IX вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Киев, 1973.
29. Чердиченко Н.Н. Срубная культура // Березанская С.С., Отроценко В.В., Чердиченко Н.Н., Шарфутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. — Киев, 1986.
30. Качалова Н. К. О локальных различиях в лесостепной срубной культуре // АСГЭ. — 1977. — Вып. 18.
31. Березанская С. С. Северная Украина в эпоху бронзы. — Киев, 1982.
32. Ковалева И. Ф. Север степного Поднепровья в среднем бронзовом веке (по данным погребального обряда). — Днепропетровск, 1981.
33. Генинг В. Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. — 1977. — № 4.
34. Лелеков Л. А. К истолкованию погребального обряда в Тигискане // СЭ. — 1972. — № 1.
35. Синюк А. Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. — Воронеж, 1983.
36. Токарев В. Н. О брахманизме, к истокам концепции // Проблемы языков и культуры народов Индии. — М., 1974.
37. Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. — Л., 1976.
38. Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культ коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. — М., 1977.
39. Отроценко В. В. Идеологические воззрения племен эпохи бронзы на территории Украины (по материалам срубной культуры) // Обряды и верования древнего населения Украины. — Киев, 1990.
40. Луговая Л.Н., Шилов Ю.А. Михайликовский курган раннесрубного времени // Археологічні дослідження на Полтавщині. — Полтава, 1990.

41. Ковалева И. Ф. Культурные комплексы так называемых длинных курганов эпохи бронзы // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. — Днепропетровск, 1988.
42. Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии // Тр. XIII АС. — М., 1907. — Т. III.
43. Чередниченко М.М. Хронологія зрубної культури Північного Причорномор'я // Археологія. — 1977. — Вип. 22.
44. Синюк А.Т., Погорелов В.И. Периодизация срубной культуры Среднего Дона // Срубная культурно-историческая общность. — Куйбышев, 1985.
45. Литвиненко Р.А. Погребальные сооружения срубной культуры Подошья и северо-восточного Приазовья // Донецкий археологический сборник. — Донецк, 1992. — Вып. 1.
46. Отрощенко В. В. Срубная культура степного Поднепровья (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Киев, 1981.
47. Тэрнер В. Символ и ритуал. — М., 1989.
48. Буйнов Ю. В., Михеев В. К. Курган срубной культуры у с. Сухая Гомольша на Харьковщине // Вестн. ХГУ. — 1989. — № 343, вып. 23.
49. Махно Є. В., Шарафутдінова І. М. Могильник епохи пізньої бронзи поблизу хут. Компаніївці на Дніпрі // Археологія. — 1972. — Вип. 6.
50. Буйнов Ю. В. Грунтової могильник срубної культури у с. Червоний Шлях на Харьковщине // Історія і археологія Слободської України. — Харків, 1992.
51. Шрамко Б.А. Отчет об археологических разведках и раскопках северодонецкой экспедиции ХГУ в 1960 г. — Харьков, 1961 (Архив АМ ХГУ, № 86/61).
52. Кропоткин В.В. Изучение черняховской культуры на Полтавщине // АО 1968 года. — М., 1969.
53. Личное сообщение А. А. Моруженко в 1984 г.
54. Андриенко В.П. Скифское поселение у с. Пожарная Балка // АО 1983 г. — М., 1985.
55. Ковалева И.Ф. Нео-энеолитический могильник «Госпитальный холм» // Проблемы археологии Поднепровья III — I тыс. до н. э. — Днепропетровск, 1984.
56. Беляєв О.С. Поховання зрубної культури і раннього залізного віку Йоспівського могильника // Археологія. — 1981. — Вип. 36.
57. Кривоцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Северное Причерноморье в эпоху поздней бронзы. — М., 1955 (МИА СССР, № 46).
58. Мерперт Н.Я. Срубная культурно-историческая область (к постановке проблемы) // Срубная культурно-историческая общность. — Куйбышев, 1985.
59. Привалова О.Я. Грунтовыи могильники срубной культуры на Донеччине // Актуальные проблемы охраны и исследований археологических памятников в Центральном Донбассе. — Перевальск, 1988.
60. Пляхин А. Д., Матвеев Ю. П. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. — Воронеж, 1988.
61. Синицын И.В., Фисенко В.А. Поселение срубной культуры Гуселки-II в окрестностях Саратова // Античный мир и археология. — Саратов, 1972.
62. Смирнов К.Ф. О погребениях с конями и трупосожженных эпохи бронзы в Нижнем Поволжье // СА. — 1957. — XXVII.
53. Отрощенко В.В. Погребения с трупосожжением у племен срубной культуры Нижнего Поднепровья // Энеолит и бронзовый век Украины. — Киев, 1976.

64. *Васильев И. Б., Пятых Г. Г.* Новые трупосожжения бронзового века в Заволжье // *Очерки истории и культуры Поволжья.* — Куйбышев, 1976.
65. *Пестрикова В.И.* Обряд трупосожжения у срубных племен Поволжья и Приуралья // *Древние культуры Поволжья и Приуралья.* — Куйбышев, 1978. — Т. 221.
66. *Кузнецов П.Ф., Семенова А. П.* Погребальный обряд срубной культуры лесостепного Поволжья // *Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья.* — Саратов, 1991.
67. *Артеменко И. И.* Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. — М., 1967.
68. *Березанская С. С.* Средний период бронзового века в Северной Украине. — Киев, 1972.

S U M M A R Y

The article considers the obsequial monuments of the timber grave culture in the Eastern-Ukrainian forest-steppe region. The said monuments are represented by the sub-mound and grounded sepulchres according to the rite of inhumation or cremation of a dead body.

Yielded is a conclusion that having fallen into the sphere of influence of timber-grave culture tribes that had migrated from the Easternmore regions the aboriginal population of the forest-steppe region apprehended only the formal side of the culture though still retained their own ideological traditions for a while that were reflected in the obsequial rite.